

Eine Autobiographie.

Kostjuschko-Wajushanitsch, Anton Antonowitsch (1876 - 1906).
//Теплов, П. Geschichte der Jakusker Protest. St. Petersburg, o.J.

W 521
234

П. ТЕПЛОВЪ.

90 1-73
14502

ИСТОРИЯ ЯКУТСКАГО ПРОТЕСТА.

(ДѢЛО „РОМАНОВЦЕВЪ“).

ИЗДАНИЕ Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

КОСТЮШКО - ВАЛЮЖАНИЧЪ, Антонъ Антоновичъ.

(Автобіографическая замѣтка).

Родился въ Казани въ 1876 г. Отецъ — пѣхотный офицеръ, сынъ помѣщика Могилевской губерніи. Мать — дочь сельскаго священника. Отецъ умеръ въ 1894 году.

Теперь мать живетъ на пенсіи въ Смоленскѣ, тамъ-же были сестры—бывшія курсистки, служили одна — корректоромъ въ газетѣ, другая—конторщикомъ при складѣ. Теперь старшая сидитъ въ домѣ предварительнаго заключенія (писано въ началѣ августа 1904 года), младшая — въ Смоленской тюрьмѣ. Братъ—студентъ-технологъ.

Въ дѣтствѣ пользовался широкой свободой, время проводилъ на улицѣ и на берегу Волги среди городскихъ и деревенскихъ ребятъ. Въ Казани ходилъ въ гимназію. Съ переводомъ отца вмѣстѣ съ полкомъ въ Брестъ, меня отдали, по моей просьбѣ, въ Псковскій кадетскій корпусъ. Кончивъ его, перешелъ въ Павловское военное училище (въ Петербургѣ) и въ августѣ 1896 года былъ произведенъ въ офицеры. Могъ-бы выйти въ гвардію, но, не предполагая долго служить, выбралъ одинъ изъ Московскихъ полковъ. (4-й гренадерскій Несвижскій). Весной 1897 года, благодаря медицинскому свидѣтельству удалось выйти въ запасъ и той-же осенью я поступилъ въ ново-александрійскій сельско-хозяйственный институтъ. По дѣлу чисто студенческой организаціи осенью 1898 года были обыски, въ томъ числѣ и у меня и нѣсколько кратковременныхъ арестовъ, но дѣло окончилось безъ послѣдствій.

Весной 1899 года былъ уволенъ изъ института и высланъ изъ города безъ права поступленія назадъ въ теченіе 1 года. Въ этотъ промежутокъ дѣлалъ попытку попасть въ кievскій политехникумъ, но директоръ категорически отказалъ. Осенью 1900 г. по конкурсу поступилъ на 1-й курсъ Екатеринбургскаго высшаго горнаго училища. Весной 1901 г. пережилъ забастовку, окончившуюся безъ жертвъ, а зимой того-же года, недѣлю спустя послѣ демонстрацій 15-го и

16-го декабря, былъ арестованъ. Обвинялся въ участіи въ организаціонномъ комитетѣ Е. В. Г. У., который при содѣйствіи мѣстнаго соціально-демократическаго комитета устроилъ демонстрацію, а также и въ непосредственномъ участіи въ демонстраціяхъ. При обыскѣ взяты кое-какіе легальные и нелегальные документы, по поводу которыхъ давалъ показанія отрицательнаго характера. Послѣ одной изъ голодовокъ, съ тремя товарищами, былъ увезенъ въ ново-московскую уѣздную тюрьму, гдѣ и пробылъ до приговора. «По Высочайшему повелѣнію» 12 февраля 1903 года получилъ 5 лѣтъ Восточной Сибири. По пути изъ Красноярска узналъ о назначеніи въ Якутскую область.

Изъ александровской тюрьмы партія (человѣкъ въ 50,— первая изъ потока, хлынувшего недавно въ Якутку) отказалась вытти, пока не будутъ объявлены точныя назначенія. 11 дней (съ 12-го мая) просидѣли за «баррикадами», пока не получили яснаго извѣщенія, что мѣсто назначенія будетъ объявлено предъ отправкой. Назначенія (очень суроваго характера, преимущественно въ Сѣверные округа) были присланы, и 12-го іюня партія двинулась въ путь. Въ Верхотурскѣ партія вмѣстѣ съ мѣстной колоніей, устроила демонстрацію, которую ни полиція, ни жандармы, шедшіе позади, ни конвой, не пытались прекратить. Вездѣ безпрепятственно давались свиданія, только въ Киренскѣ чуть-чуть не вышло столкновеніе съ конвоемъ. Въ Якутскѣ большинство получило инныя, лучшія назначенія. Былъ назначенъ въ Намскій улусъ, оттуда самовольно уѣхалъ въ городъ и заявилъ исправнику, что желаю поселиться въ Тулугинскомъ выселкѣ въ 14 верстахъ отъ Якутска. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ исправникъ согласился.

(Изъ воспоминаній друзей).

Антонъ Антоновичъ Костюшко-Валюжаничъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, руководящихъ членовъ «романовки».

Какъ бывший офицеръ, онъ, наряду съ В. П. Бодневъ-

скимъ, игралъ выдающуюся роль въ организациі самообороны участниковъ якутскаго протеста. Онъ руководилъ практическими работами по блиндируванію стѣнъ и велъ ихъ съ неутомимой энергіей. Съ первыхъ-же дней протеста онъ былъ однимъ изъ немногихъ сторонниковъ наступательной тактики, но большинство товарищей высказывалось противъ этого. При самомъ жестокомъ обстрѣлѣ, «романовки» 6-го марта «Костя» былъ тяжело раненъ въ бедро. Солдатскую пулю извлекли у него подъ кожей спины въ больницѣ хирургическимъ путемъ.

Выванный изъ жизни въ самый разгаръ самообразования и выработки социаль-демократическаго міросозерцанія, «Костя» усиленно продолжалъ его и за все время тюремнаго заключенія.

Оставшись въ Иркутскѣ послѣ рѣшенія нашего дѣла судебной палатой, онъ задался цѣлью вырваться на свободу. И это удалось ему—30-го августа ночью онъ бѣжалъ изъ тюремной больницы, выпиливъ рѣшетку окна и перебравшись чрезъ высокія пали. Въ ожиданіи, пока утихнетъ погоня, онъ былъ застигнутъ начавшейся желѣзнодорожной стачкой и вмѣсто Запада, куда рвался всей душой, принужденъ былъ двинуться на Востокъ.

По Байкалу онъ доѣхалъ къ Усть-Боргузину, нѣкоторое время скрывался на приискахъ и оттуда двинулся въ Читу подъ видомъ техника Григоровича, изыскивающаго новыя земли для переселенцевъ. Тутъ ему пришлось сдѣлать 1.000-верстный путь верхомъ по глухой тайгѣ и горнымъ переваламъ.

Въ Читу онъ приѣхалъ къ послѣднимъ числамъ октября.

Читинскій социаль-демократическій комитетъ поручилъ ему организовать боевую дружину изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и повести агитацію среди солдатъ мѣстнаго гарнизона. Къ этому времени Забайкалье оставалось совершенно оторваннымъ отъ Россіи, благодаря почтово-телеграфной забастовкѣ и эта оторванность продолжалась до января. Какъ жители не знали о событіяхъ въ Россіи за октябрь—декабрь, такъ и читинскіе власти не получали распоряженій центральнаго правительства. Агитационная дѣятельность Костюшко среди читинскаго гарнизона

была очень успѣшна и скоро возникъ «Совѣтъ солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ» при мѣстномъ социаль-демократическомъ комитетѣ. Въ него вошли представители артиллеристовъ, желѣзнодорожнаго батальона, саперовъ и казачковъ. На солдатскихъ митингахъ въ казармахъ и циркѣ были выработаны спеціальныя требованія солдатъ, изъ которыхъ главными были: немедленное увольненіе запасныхъ, 8-ми часовая продолжительность караульной службы, уничтоженіе деньщиковъ, 5 рублей мѣсячнаго жалованья, вѣжливое обращеніе съ солдатами на «вы» и т. д., кромѣ того солдаты высказались за обще-демократическія требованія.

21-го ноября солдатскіе депутаты и Костюшко, какъ официальный представитель читинскаго социаль-демократическаго комитета, явились къ генераль-губернатору Забайкальской области—Холщевникову и предъявили ему «солдатскія требованія».

Этотъ старый генераль, настоятельно просившійся въ отставку, и очутившись въ безвыходномъ положеніи за неизмѣнимъ военной силы для подавленія «бунта», невольно пошелъ на уступки.—Немедленно были отпущены 500—600 запасныхъ читинскаго гарнизона, отмѣнены деньщики и удовлетворены нѣкоторыя изъ другихъ требованій. (За это и другія вынужденныя уступки послѣ каратель—Ренненкампфъ арестовалъ старика-генерала и предалъ его военному суду). Возникшій затѣмъ «союзъ военно-служащихъ»—офицеровъ и военныхъ врачей присоединился къ требованіямъ солдатъ. «Солдатскія требованія» были отпечатаны въ 50.000 экземпляровъ и отправлены чрезъ делегатовъ въ манджурскую армію и войсковыя части, расположенныя по линіи сибирской желѣзной дороги. Читинскій «Совѣтъ солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ» получилъ массу привѣтственныхъ телеграммъ и выраженій сочувствія его требованіямъ отъ солдатъ манджурской арміи. Затѣмъ эти-же требованія, только въ болѣе разработанномъ видѣ, были приняты гарнизонами въ Срѣтенскѣ, Нерчинскѣ, Иркутскѣ и Красноярскѣ. Характерно для господствовавшей въ Читѣ атмосферы, что телеграммы адресовались прямо: «Со-

вѣту солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ», солдатскія требованія и прокламаціи печатались открыто въ легальныхъ типографіяхъ, не исключая и областной. Открыто-же печаталась и социаль-демократическая газета «Забайкальскій рабочий», расходившаяся въ 6.500 экземпляровъ. Костюшко былъ авторомъ солдатскихъ прокламацій, которые разсылались громадными количествами по войскамъ и сотрудникамъ «Забайкальскаго рабочаго». Среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ ему удалось организовать боевую дружину въ 500—600 человекъ, вооруженную трехлинейными винтовками. Онъ постоянно выступалъ ораторомъ на солдатскихъ митингахъ и пользовался большою популярностью у солдатъ, почти безвыходно жилъ и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними въ казармахъ. Читинскіе рабочіе съ боевой дружиной во главѣ устроили грандіозную уличную демонстрацію и потребовали черезъ депутатовъ у генераль-губернатора освобожденія политическихъ заключенныхъ не только въ Читѣ, но и въ Акатуй. Холщениковъ освободилъ политическихъ заключенныхъ въ Читѣ, а относительно Акатуйцевъ—осужденныхъ на каторгу матросовъ съ «Прута»—обѣщалъ ходатайствовать предъ Линевицемъ. Самъ-же ограничился вызовомъ начальника Акатуйской каторжной тюрьмы и нагоняемъ ему за плохое обращеніе съ заключенными. Совѣтъ и дружинники добились удаленія военнаго коменданта Читинской станціи Родева за черносотенную агитацію, возбужденіе солдатъ противъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, якобы отказывавшихся перевозить запасныхъ въ Россію. Делегаты совѣта встрѣчали на станціи воинскіе поѣзда, обращались къ солдатамъ съ рѣчами и раздавали имъ прокламаціи.

Въ декабрѣ изъ Читы была отправлена специальная экспедиція въ Акатуй—вооруженный отрядъ при участіи двоихъ товарищей—«романовцевъ», хорошо знавшихъ условія каторжной тюрьмы, который арестовалъ начальника и принудилъ его освободить всѣхъ политическихъ каторжанъ—15 матросовъ съ «Прута». За участіе въ этомъ освобожденіи, нашъ товарищъ Викторъ Константиновичъ Курнатовскій, котораго арестовалъ въ Верхне-Удинскѣ карательный отрядъ Меллеръ-Закомельскаго, былъ преданъ Ренненкампу-

фомъ военно-полевому суду и вмѣстѣ съ 26-ю другими обвиняемыми былъ осужденъ въ Читѣ на смертную казнь, но затѣмъ «помилованъ» на вѣчную каторгу.

Числа 10-го января читинцы получили изъ Харбина телеграмму о выѣздѣ карательной экспедиціи Ренненкампа. Онъ ѣхалъ на завоеваніе мятежнаго города съ двумя эшелонами войскъ, пулеметами и артиллеріей. Говорятъ даже, что онъ везъ и походную вистълицу. На пути онъ арестовывалъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ въ качествѣ заложниковъ. Съ дороги онъ прислалъ въ Читѣ грозную телеграмму, что въ случаѣ покушенія на его поѣздъ будутъ немедленно разстрѣляны всѣ заложники.

Подъ вліяніемъ ошибочныхъ слуховъ, что красноярцы побѣдили, сражаясь за баррикадами желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и въ Читѣ сначала готовились къ сопротивленію такого-же рода.

Начали спѣшно укрѣплять громадное зданіе мастерскихъ, блиндировать стѣны, отливать бойницы, минировать окружающую мѣстность.

Но въ процессѣ этой лихорадочной дѣятельности энергія и боевое настроеніе участниковъ падало. Этому въ значительной степени содѣйствовало появленіе въ Читѣ двухъ, незадолго предъ тѣмъ вызванныхъ полковъ—Читинскаго и Нерчинскаго. Число дружинниковъ, появлявшихся на тревожные гудки въ мастерскія упало съ 600—500 до 100. Солдаты не принимали никакого участія и вообще ихъ настроеніе, особенно вновь прибывшихъ, было неопредѣленнымъ, исключало возможность надѣяться на ихъ содѣйствіе. При такихъ условіяхъ вооруженное сопротивленіе заранее осуждалось на полную неудачу. Послѣ жаркаго обсужденія выяснилась невозможность успѣшнаго сопротивленія и рѣшено было разойтись.

20-го января, наканунѣ пріѣзда карательной экспедиціи Ренненкампа, Костюшко долженъ былъ скрыться вмѣстѣ съ матросами, освобожденными изъ «Акатуя» и главными руководителями движенія. Уже были готовы лошади. На прощанье онъ зашелъ въ квартиру Кривоносенко, гдѣ собрались еще нѣсколько человекъ. Какъ-разъ тогда-же на

Эту квартиру ген.-губ. Сычевскій послалъ конвой для арестованія сына Кривоносенко, который былъ однимъ изъ освобожденныхъ демонстрантами. Были арестованы всѣ, находившіеся на квартирѣ: Костюшко (Григоровичъ), Цуксманъ—помощникъ начальника товарной станціи, Столяровъ—рабочій-столяръ и Вайнштейнъ—служащій желѣзнодорожной потребительной лавки. Тогда-же были арестованы въ Читѣ: Кларкъ—ревизоръ движенія, бывший политической ссыльный, старикъ; Кузнецовъ—тоже старикъ изъ бывшихъ политическихъ ссыльныхъ, Кривоносенко—приказчикъ и Качаевъ, привлеченные къ одному съ ними дѣлу. 21-го января приѣхалъ Ренненкампфъ съ главными силами карательной экспедиціи и новыхъ плѣнниковъ заперли въ его походную тюрьму—спеціальные вагоны «карательнаго» поѣзда. Никакихъ уликъ противъ арестованныхъ у властей не было, кромѣ шпіонскихъ доносовъ. Сами заключенные думали, что дѣло кончится ничѣмъ. Но Ренненкампфъ думалъ иначе и предалъ всѣхъ военно-полевому суду для сужденія по законамъ военнаго времени. «Судъ» былъ 1-го марта, онъ засѣдалъ въ одномъ изъ вагоновъ карательнаго поѣзда и только утвердилъ продиктованное Ренненкампфомъ рѣшеніе.

Лишь Качаевъ былъ оправданъ, остальные 7 человекъ были приговорены къ смертной казни. Троимъ смертная казнь была замѣнена вѣчной каторгой, а Костюшко, Цуксманъ, Столяровъ и Вайнштейнъ были казнены 2-го марта. Вотъ какъ описываетъ эту вопіющую казнь очевидецъ въ «Сибирскомъ Обзорѣніи»: «Въ 3½ часа дня пришелъ поѣздъ съ осужденными. Вышли они, сопровождаемые священникомъ, бодро, раскланиваясь съ публикой. Сопровождавшій ихъ офицеръ обратился было къ публикѣ съ просьбой разойтись, но публика не послушалась. На глазахъ у офицера были слезы. Подъ охраной трехъ ротъ 17-го и 18-го Вост.-Сиб. полковъ, приговоренныхъ вывели за версту отъ станціи въ лѣсъ (мѣсто на полугоркѣ, отлично видное съ Атамановской площади и Амурской), къ заранѣе приготовленнымъ ямамъ.

Публику отгѣснили. Стали привязывать къ столбамъ

Григоровичъ (Костюшко) просилъ, чтобы ему не накладывали повязки на глаза, и эта просьба была уважена; остальнымъ глаза завязали. Григоровичъ (Костюшко) обратился къ солдатамъ съ рѣчью, но что онъ говорилъ, не было слышно публикѣ, хотя барабаны молчали. Говорилъ что-то и Столяровъ...

Раздался залпъ. Столяровъ и Цуксманъ повисли на веревкахъ, Григоровичъ (Костюшко) и Вайнштейнъ забились... Второй залпъ—еще бьются. Нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ безъ команды прикончили ихъ.

Солдаты бросились сваливать трупы, но тутъ какой-то посторонній офицеръ крикнулъ, что надо сперва констатировать смерть, а потомъ хоронить... Случайный врачъ констатировалъ, что «правосудіе удовлетворено»...

Такъ погибъ геройски нашъ безконечно дорогой товарищъ жертвой царящаго произвола, самоотверженной борьбѣ съ которымъ онъ посвятилъ свою молодую жизнь. И славная память о немъ будетъ жить вѣчно...